

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Пулаки Парване

**Переводы произведений В.В. Маяковского
и М.А. Шолохова
в Иране: проблемы интерпретации**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2019

Работа выполнена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Зыкова Галина Владимировна**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Темиршина Олеся Равильевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории журналистики
и литературы образовательного частного учреждения
высшего образования
«Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова»

Холиков Алексей Александрович
доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории литературы
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Павловец Михаил Георгиевич
кандидат филологических наук, доцент,
доцент факультета гуманитарных наук
департамента общей и прикладной филологии
Научно исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Защита состоится «23» декабря 2019 года в «14» часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, первый учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: ruslitxx@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/251422896/>

Автореферат разослан «__» _____ 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В конце XX – начале XXI вв., в последние три десятилетия, наблюдается сближение Ирана и России, прежде всего политическое, но также и культурное (это сближение пришло на смену периоду охлаждения отношений)¹. Русская литература, впрочем, в XX веке интересовала иранцев и вне зависимости от идеологии, однако не всегда существовали возможности для публичного проявления этого интереса, для публикации переводов и других форм широкой популяризации русской литературы в Иране.

Новая волна интереса к русской литературе спровоцировала в начале XXI века бум переводов. Переводчики нового поколения отличаются от своих предшественников тем, что работают напрямую с языком оригинала, а не с языками-посредниками (английским или французским), как было раньше.

Особое место занимают новые переводы В. Маяковского и М. Шолохова, авторов, которые были давно востребованы в Иране — еще в рамках советско-иранского партнерства, и оказали решающее влияние на формирование современной персидской поэзии и прозы.

В конце XX – начале XXI вв. количество переводов Маяковского в Иране возрастает, что связано во многом с работой переводчика М. Кашигара. Поэма «Облако в штанах» в его переводе стала настоящим бестселлером в Иране (переиздавалась 7 раз). В 1999 году вышла его книга «ابر شلوارپوش» («Облако в штанах»), куда, кроме одноименной поэмы,

¹ Так, изменился статус русского языка в рамках системы иранского образования: русский язык, который преподавался с 1934 г., но только в Тегеранском университете, начал изучаться и в других высших учебных заведениях. Министерством образования было рекомендовано изучение русского языка как иностранного в школах (с 2006-2007 уч. г. русский язык ученики могут выбирать как второй иностранный наряду с английским, французским, немецким, итальянским). Создано «Иранское общество русского языка и литературы» (2013), выпускающее одноименное издание на русском языке.

вошли также «Флейта-позвоночник» и «Юбилейное». В конце XX века «Облако в штанах» переводил также Х. Фердоси (переводы Фердоси выходили под названиями «Я сам» (1999) и «ابر» («Облако») (2000). Недавно перевод поэмы был осуществлен с языка оригинала авторитетным иранским переводчиком Х. Аташбарабом.

Кроме «Облака в штанах», активно переводят стихотворения Маяковского: в 2009 году выходит сборник его любовной лирики в переводе Шахаба; в 2010–2013-х гг. три сборника переводов Маяковского, выполненных Ш. Аташкармом, выпустило издательство «Мир»; в 2011 г. молодая переводчица С. Абуталеби опубликовала сборник, в который включены более 25 стихотворений, в том числе поэма «Во весь голос».

Сопоставимое внимание современные переводчики проявляют и к Шолохову. Продолжают появляться как переводы рассказов и повестей, в том числе осуществляемые впервые², так и новые переводы «Тихого Дона» на фарси: наиболее выдающийся, новаторский перевод А. Шамлу, который готовился в 1990-е гг., был опубликован только в 2003 г., вызвав бурную полемику среди иранских литераторов, которая не прекращается до сих пор; относительно недавно, в 2012 г., вышел последний перевод, выполненный Э. Гахрамани-Пуром.

Естественно возникает необходимость теоретического осмысления и оценки характера рецепции этих русских писателей в Иране; возможному влиянию Маяковского и Шолохова на иранскую поэзию и прозу посвящен ряд работ современных филологов. Однако ни в иранском, ни в российском литературоведении пока нет обобщающего и подробного исследования переводов произведений русской литературы на фарси в XX веке, включая

² В 2003 г. был издан сборник «Наука ненависти» в переводе С. Сарай; в 2007 г. – сборник под названием «Жеребенок» в переводе Х. Багери; в 2010 г. – сборник «Чужая кровь» в переводе Г. Кабири в 2009 г.; «Судьба человека» переиздается в 2009 г. в переводе И. Рашиди, в 2014 г. – в переводе А. Лахути.

произведения Маяковского и Шолохова. Актуальность предлагаемой работы обусловлена необходимостью восполнить имеющийся пробел в условиях растущего интереса иранского общества к русской культуре и содействовать, таким образом, российско-иранскому сотрудничеству.

Степень изученности проблемы. Тема взаимного влияния русской и иранской литератур обширна и имеет ряд аспектов. Русский читатель познакомился с восточной литературой раньше, чем иранский читатель – с русской: в XVIII-XIX вв. русскому читателю стали доступны переводы классиков персидской поэзии – Саади, Гафиза, Фирдоуси и Хайяма. Изучению влияния персидской классической литературы на русских авторов посвящены многочисленные исследования (А. Розенфельда, И. Брагинского, Д. Комиссарова, А.А. Ромаскевича, Е.З. Бертельса, А.Н. Болдырева, Ю.Н. Марра, В.Б. Кляшториной и др.).

Что касается изучения влияния русской литературы на иранскую, то здесь есть определенные достижения, но еще многое предстоит сделать, такое изучение началось только в последние десятилетия и находится на начальной стадии.

Научные труды в области данной проблематики — это, во-первых, исследования российских востоковедов, где рассматривается общее влияние культуры и литературы России на Востоке, в том числе в Иране³, а также влияние одного определенного писателя (или нескольких) на иранскую литературу⁴. В некоторых работах рассматривается,

³ К сожалению, такие работы в основном создавались в шестидесятые годы и во многом устарели, см., напр.: *Балашова Т.В., Егоров О.В., Николюкин А.Н.* Советская литература за рубежом (1917–1960). М.: АН СССР, 1962; *Валиева Д.* Советско-иранские культурные связи (1921–1960). Ташкент: Наука, 1965; *Тузмухамедов Р.А.* Советско-иранские отношения, 1917–1921 гг. М.: ИМО, 1960; *Розенфельд А.* Русская литература в Иране и современная персидская проза // Вестник ЛГУ: История, язык, литература. 1968. № 20. Вып. 4.

⁴ *Османова З.Г.* М. Горький и литература Ирана. М.: Восточная литература, 1961; *Розенфельд А.З.* Чехов и современная персидская литература // Памяти акад. И.Ю. Крачковского. М., 1958, с. 73-79; *Розенфельд А.З.* А.С. Пушкин в персидских переводах // Вестник Ленинградского университета, 1949, № 6, с. 81-101;

в частности, вопрос о формировании в иранской литературе большого стиля под европейским (русским) влиянием⁵.

Работы иранских переводчиков и культурных деятелей, посвященные переводу на фарси русских произведений, были изданы в Иране и стали доступны местной общественности в основном во второй половине XX века⁶. В последние десятилетия иранские исследователи предложили ряд диссертаций (докторских и магистерских) и дипломных работ, посвященных русской литературе как таковой и рецепции русской литературы в Иране⁷. Среди этих исследований есть написанные и на фарси, и на русском⁸. Особого упоминания заслуживают исследования сравнительного характера⁹.

Мурадов С.А. Переводы произведений А.П. Чехова на персидский язык и их роль в развитии современной персидской литературы. Дисс. канд. филол. наук. Баку, 1984; *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971, и т.д.

⁵ *Комиссаров Д.С.* О реалистической тенденции в современной персидской литературе / Проблемы становления реализма в литературах Востока. М.: Наука, 1964. С. 265-277.

⁶ *Нафиси С.* Чехов на персидском языке и Сообщение о работе Иранского общества культурных связей с СССР, *Сайях Ф.* Восток в произведениях Пушкина, *Кешаварз К.* Чехов в Иране, *Дастгейб А.* Культурные связи между СССР и Ираном и О переводах русской литературы на персидский язык, *Хекмат А.* Пушкин в персидской поэзии, *Ислами-Нодушан М.* А. Толстой – Руми нового времени и т.д.

⁷ А. Голькар и его коллеги в статье под названием «Тематический обзор магистерских работ иранских студентов по теме взаимоотношений русской и персидской литератур» (2018) занимаются изучением данной темы, выясняется, что с 2006 по 2016 годы среди 71 магистерской работы студентов Тегеранского университета 52 работы были выполнены в области сравнительного анализа персидской и русской литератур.

⁸ См., напр.: *Аташбараб Х.* Русская литература в Иране: цикл „Персидские мотивы“ С.А. Есенина. Дисс. канд. фил. наук. М., 2010; *Мохаммад Бадр Н.* Освоение персидской литературы в России и русской в Иране (опыт сравнения) Дисс. канд. филол. наук. М., 1997; *Рустамова Г.Р.* Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого) Дисс. канд. филол. наук. Таджикский национальный университет, 2017; *Шахриари Маргочух С.* Марина Цветаева в Иране: типологические связи. Дисс. канд. филол. наук. М.: МГУ, 2012; *Наджафи М.* Влияние перевода русской литературы на фарси не с русского языка (на материале трех переводов „Игрока“ Ф.М. Достоевского) // Преподаватель. XXI век. 2016, № 3, с. 392-398; *Шафаги М.* О языковых и социально-идеологических препятствиях в переводе русской литературы на персидский язык в прошлом и его нынешнем состоянии //

В целом исследования, посвященные процессу перевода русской литературы на фарси и шире – русско-персидскому литературному взаимодействию в XX–XXI вв., носят подготовительный характер и нуждаются в дополнении и развитии. Это обусловлено следующим:

серьезные академические исследования в данной области, в которых русская и советская литература рассматриваются вне политической и идеологической подоплеки, стали появляться в российском и особенно в иранском научном сообществе только в последние десятилетия;

не хватает целостного подхода к изучаемой проблематике, отсутствуют полноценные, комплексные, детальные, систематические исследования, посвященные переводу на фарси русской литературы, ее рецепции в иранском обществе и дальнейшему влиянию на развитие персидской литературы в XX веке;

в рамках одного исследования, как правило, изучается ограниченный отрезок переводческого процесса (исторический период) или же перевод одного автора на фарси;

отсутствует комплексное описание факторов, влияющих на переводческий процесс на различных его этапах.

Объект предлагаемого исследования – переводы произведений Маяковского и Шолохова на фарси в XX–XXI вв., эстетические манифесты иранских писателей, критические статьи о переводах, исследования иранских филологов, посвященные творчеству Маяковского и Шолохова и их рецепции в Иране; оригинальные художественные произведения

Филологические науки. 2016. №2, с.98-104; *Шоджаии М.* Перевод произведений русской литературы в Иране: нынешнее состояние и перспективы (<http://institutperevoda.ru/upfiles/php4ujEI2.doc>); *Калаши Н.* Произведения А. Пушкина в Иране // Русский язык за рубежом. 2012, №2, с.78-81, и др.

⁹ *Маджиди Н.* Отображение „Тихого Дона“ М.А. Шолохова в романе „Келидар“ // Ормузд, 2018, №45, с.4-17; *Набати-Котбийе Дж.* Анализ и социалистическое сопоставление романа „Нулевая параллель“ А. Махмуда с романом „Тихий Дон“ М.А. Шолохова. Дипломная работа. Университет Аламе-Табатабаии, 2014.

на фарси, обнаруживающие влияние русских авторов или прямо этим авторам посвященные.

Предмет исследования – рецепция творчества Маяковского и Шолохова в Иране: причины выбора текстов для перевода, характер переводов, отдельные переводы как полноценное явление иранской литературы, формирование отдельных черт поэтики и некоторых жанров в иранской литературе под влиянием произведений русских писателей.

Цель исследования – внести вклад в разработку целостного взгляда на историю переводческого процесса в Иране XX–XXI вв.

В соответствии с целью исследования выделяются следующие задачи:

выявить факторы, повлиявшие на перевод и рецепцию русской литературы в Иране XX–XXI вв. в целом;

определить причины популярности Маяковского и Шолохова у массового иранского читателя и востребованности этих авторов в иранских литературных кругах XX–XXI вв.;

проанализировать феномен множественности конкурирующих переводов Маяковского и Шолохова;

сравнить переводы «Тихого Дона», выполненные М. Бех-Азином и А. Шамлу, и их функцию в литературном процессе Ирана;

охарактеризовать влияние Маяковского и Шолохова на новую персидскую поэзию и прозу;

выявить перспективы русско-персидского литературного взаимодействия в контексте сближения России и Ирана в конце XX – начале XXI вв.

Гипотеза диссертационного исследования заключается в предположении о том, что русская и иранская литературы фундаментально близки друг другу в нескольких аспектах, что проявляется, во-первых, в возможности обнаружить некоторые общие тенденции в литературном процессе России и Ирана XX века; в частности, сопоставимы отдельные

тенденции русской авангардной поэзии (визуальность) и формы классической персидской поэзии. Эта близость отчасти объясняет, почему иранский читатель в XX веке с такой готовностью воспринимал произведения русской литературы, а некоторые переводы русских произведений на фарси становились органичным явлением оригинальной иранской литературы.

Хронологические рамки исследования. Хотя объект исследования – произведения XX и первых десятилетий XXI века, хронологические рамки данного исследования были расширены для того, чтобы дать целостное представление об истории перевода русской литературы на фарси и показать, что факторы, определяющие переводческую деятельность в Иране сегодня, восходят к XIX веку.

Научная новизна исследования определяется следующим.

Впервые сделано детальное описание факторов, влияющих на различные этапы переводческого процесса в Иране, характер и точность перевода, в том числе на выбор переводимого текста, его цензурирование и публикацию, а также на рецепцию текста в иранской читательской аудитории, оценку литературных критиков и дальнейшее функционирование перевода в рамках иранской литературы;

предложена оригинальная концепция ведущих взаимосвязанных факторов, которые сыграли решающую роль в судьбе русской литературы в Иране: политические отношения двух стран; настроения политически ориентированной интеллигенции и культурной элиты; распространение идеологии; характер системы образования и ее ориентация на определенный европейский язык;

проведен исторический обзор перевода произведений Маяковского на фарси начиная с 1940-х годов и заканчивая 2010-ми годами, показана динамика в рецепции Маяковского в Иране; сделана попытка сопоставить визуально ориентированную поэзию Маяковского с древнеперсидской визуальной поэзией;

подробно проанализирована история перевода романа «Тихий Дон» на фарси (с 1965 года по начало XXI века) и рецепция романа в Иране на основании сопоставления переводов Бех-Азина и Шамлу; исследовано значение Шолохова для иранской литературы и культуры в разные периоды ее развития;

творчество выдающегося поэта и переводчика А. Шамлу позволило объяснить, почему в сознании иранского читателя и художника произведения таких по видимости разных писателей, как Маяковский и Шолохов, могут быть связаны и соотносимы.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. На решение переводчика обратиться к переводимому тексту в Иране XX века и характер перевода действуют как основные факторы а) состояние международных отношений и соотнесенная с этим господствующая внутри страны идеология, б) преимущественное культурное влияние определенной западной страны, язык которой усваивался как язык межнационального общения и образования, в) характер образовательной системы; хотя эти факторы определяют рецепцию самых разных национальных литератур в Иране, на рецепцию русской литературы они влияют особенно явным образом;

2. несмотря на очевидное различие национальных культур в целом и характера словесности в частности, литературный процесс XX века в России и Иране обнаруживает некоторые важнейшие общие тенденции: в частности, поэтическая книжная речь активно осваивает интонации речи устной как более выразительной и естественной; поэтому переводы стихов Маяковского и прозы Шолохова перерастают в иранской литературе «служебную роль», обычно свойственную переводам, и, выполненные иранскими писателями, становятся самоценными литературными произведениями на фарси, органично вписываясь в иранскую словесность и отвечая ее важнейшим потребностям; одно из высших проявлений

этого — перевод прозаического «Тихого Дона», выполненный выдающимся поэтом А. Шамлу;

3. определенные авангардные тенденции европейского искусства XX века, выразительно представленные, в частности, как во французской литературе, с которой иранские интеллектуалы были хорошо знакомы, так и в литературе русской, — стремление к визуальной выразительности поэтического текста, отразившееся и в творчестве Маяковского, и в послевоенном конкретизме, — оказались близки иранским поэтам, в частности, и потому, что парадоксальным образом, несмотря на весь очевидный новаторский радикализм, были сопоставимы с традиционными формами древнеиранской поэзии, также предполагавшими миметическую фигуративность, графическую выразительность, сближение текста и орнамента;

4. функционирование перевода в качестве самоценного произведения, востребованного на национальной почве «принимающей» литературы, предполагает множественность конкурирующих и разных переводов одного и того же произведения; эта множественность конкурирующих переводов характерна для иранской рецепции Маяковского и Шолохова.

Теоретико-методологическая основа исследования. Диссертационное исследование опирается на историко-литературный метод, компаративный метод и переводоведение.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования помогут заложить основы для создания единой теории о переводческом процессе Ирана, способствуют дальнейшему изучению роли русской литературы в персидском литературном процессе XX века и, в частности, изучению влияния Маяковского и Шолохова на современную поэзию и прозу Ирана; могут быть полезны для углубленного анализа рецепции русского реализма, соцреализма и футуризма в творчестве иранских авторов, детального сопоставительного анализа произведений русских и персидских поэтов и прозаиков (Маяковский и Шамлу, Шолохов и Довлатабади и т.д.)

Кроме того, результаты исследования могут использоваться для дальнейшего осмысления российско-иранского межкультурного взаимодействия в целом, анализа двусторонних отношений Востока и Запада.

Практическая значимость исследования связана с возможным использованием выводов работы для укрепления российско-иранского межкультурного и межлитературного взаимодействия; ознакомлением российской аудитории с не переведенными на русский язык персидскими художественными, критическими и научными текстами; повышением интереса к русской литературе со стороны иранского читателя и к литературе на фарси со стороны российского. Результаты исследования могут быть использованы при разработке специальных курсов по сравнительному литературоведению и востоковедению.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, а также отдельные идеи диссертационного исследования были представлены в семи докладах, прочитанных на научных конференциях:

доклад «Ахматова в Иране» на Международной научно-практической конференции «XVII Ахматовские чтения», посвященной 130-летию со дня рождения Анны Ахматовой (Тверь, май 2019);

доклад «Судьба романа М. Шолохова „Тихий Дон“ в Иране» на VI Международной научной конференции «Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)», (филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, декабрь 2018);

доклад «В. Маяковский и поэзия Ирана» на Международной конференции «Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве» (ИМЛИ, сентябрь 2018);

доклад «Русская литература в компаративистике Ирана на примере работ о Маяковском, Ахматовой и Цветаевой» на Международной конференции «Словесное искусство Серебряного века и Русского

зарубежья в контексте эпохи» («III-и Смирновские чтения») (Московский государственный областной университет, июнь 2018);

доклад «Маяковский в Иране» на Международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2018» (филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, апрель 2018);

доклад «Перформативная поэзия 1950-х-60-х гг.: общие тенденции в литературах России и Ирана» на Ломоносовских чтениях (филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, апрель 2019);

доклад «Романтизм в современной поэзии Ирана во второй половине XX века» на Первом международном конгрессе Евразийской ассоциации иранистов (Санкт-Петербург, февраль 2019).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из 8 параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационной работы, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки исследования, описывается теоретико-методологическая база, выявляются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, предлагаются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 посвящена **истории перевода русской литературы в Иране** и предлагает общий обзор, начиная с XIX века и заканчивая современностью; особое внимание уделено роли переводного текста в развитии оригинальной литературы на фарси. История перевода описывается с учетом ее периодизации; предпринимается попытка обнаружить разные факторы, которые определяли характер русско-иранского литературного взаимодействия: политические, идеологические, экономические, социальные, культурные. Основными факторами

оказываются следующие: политические отношения двух стран; настроения культурной элиты; распространение идеологии; характер системы образования и ее ориентация на определенный европейский язык. В ограничивающих рамках общего исторического очерка мы пробуем указать на конкретную функцию каждого из этих факторов в различные исторические эпохи.

Отдельно анализируются следующие периоды: начало – середина XIX века; вторая половина XIX века; начало – середина XX века (до монархического переворота в 1953 г.); 1960 – 1978 гг. (до Исламской революции 1979 г.); 1980-е годы; период после распада СССР. В рамках каждого периода выделяются наиболее значимые для иранского литературного сообщества русские авторы, показана связь между переводом их произведений на фарси и становлением новых стилей, течений и жанров.

В переводческом движении Ирана выделяют три этапа, из которых наибольший интерес для настоящей работы представляет третий, продолжающийся до сих пор и начавшийся в середине правления династии Каджаров (1829–1864). Именно тогда иранское общество впервые всерьез обращается к европейской культуре и науке, шах и его свита посещают Европу, иранские студенты отправляются в европейские страны учиться, создаются переводы с европейских языков.

Из-за колониальной политики России российско-иранские политические отношения в это время были напряженными, поэтому вплоть до начала XX века русский язык в Иране непопулярен, переводов с русского мало. Основной корпус русской классики оказался переведен на фарси с опозданием; русско-иранские литературные контакты, по существу, были установлены только в XX веке и в значительной степени определены контекстом коммунистической пропаганды, идеологическим фактором, определившим выбор переводимых

произведений, цензурирование, запрет и разрешение на публикацию, характер перевода и представления о его точности.

Коммунистическая идеология проникает в Иран в начале XX в. под влиянием кавказских социал-демократов; в 1904 г. создается партия عدالت [edalat] («Справедливость»), в 1921 г. преобразованная в Иранскую коммунистическую партию, а затем в «Тудэ», Народную партию Ирана, которая приобретет значительную политическую власть в 1940-е гг.

После Конституционной революции 1905–1911 гг. на фарси активно переводят Горького, и — для эпохи, возможно, неожиданный выбор — басни Крылова, понятые как политическая сатира.

На 1920-е гг. пришелся пик публикации переводов иностранной литературы и адаптированных произведений. Однако во времена диктатуры Реза-Шаха Пехлеви (1925–1941) переводы произведений русской литературы подвергались цензуре: русская литература ассоциировалась с Советским Союзом и воспринималась как идеологически опасная. Несмотря на это, русская классика переводилась тогда активно, и ее переводы стали одним из способов обновления иранской литературы: под влиянием переводов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Горького формировалась иранская проза Нового времени, жанр романа.

Падение Реза-Шаха изменило статус русской литературы в Иране: начинается активная пропаганда советского социалистического реализма.

В 1941 — 1953 гг. у власти в Иране находится коммунистическая партия «Тудэ», левая идеология господствует; «Тудэ» играет ключевую роль в распространении современной русской литературы, которую она использует как орудие политической борьбы. Русская литература, в том числе и советская, переживают пик своего влияния. В 1941 – 1953 гг. было опубликовано 260 переводных произведений, в т. ч. 94 — 13 русских писателей. Действовало Общество культурных связей Ирана и СССР; совместно с «Тудэ» оно организовало в 1946 г. Первый съезд иранских

поэтов и писателей, где социалистический реализм был провозглашен наиболее плодотворным методом, на который должна ориентироваться иранская литература. На фарси переводятся прежде всего идеологически «близкие» для «Тудэ» русские писатели, такие как Горький и Чернышевский, однако не только они, но и Чехов, Л. Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Пушкин и Лермонтов, которые воспринимаются несколько односторонне, только как критики современного им общественного строя.

При поддержке «Тудэ» развивалась поэзия «гражданского» содержания, а также поэзия, реформирующая традиционные формы “شعرنو” [še'r-e now] («новый стих»). Важную роль в утверждении новой поэзии сыграл Э. Табари – ведущий идеолог «Тудэ» и переводчик Маяковского.

После государственного переворота 1953 года началась идеологическая декоммунизация, изменился характер проводимой Ираном внешней политики, советско-иранские отношения ухудшились, что подействовало и на статус русской литературы в иранской культуре. Новые переводы, однако, продолжают осуществляться, хотя их публикация может быть связана с большими трудностями (подробнее об этом мы говорим в главе о рецепции «Тихого Дона»). Под влиянием русского романа, часто под очевидным влиянием «Тихого Дона», в 1950-х-1980-х гг. пишут прозу на фарси такие авторы, как Б. Алави, Бех-Ахин, А. Махмуд и М. Довлатабади.

После Исламской революции 1979 года был провозглашен новый идеологический лозунг «Ни Запад, ни Восток, а ислам»; если раньше русская литература ассоциировалась с левой идеологией, причем преимущественные подозрения вызывала литература советская (например, Горький), то теперь культурные связи Ирана с СССР оказались ограничены еще сильнее, переводить и печатать русскую литературу стали еще реже.

Однако последующая относительная стабилизация обстановки в Иране и особенно распад СССР благотворно сказались на российско-иранской межкультурной коммуникации. По данным тегеранского издательства «خانه کتاب» («Дом книги»), с 1984 по 2003 гг. произведения Л. Толстого, например, переиздавались в Иране около ста раз.

Конец XX – начало XXI вв. отмечены развитием взаимодействия Ирана и России и новым взлетом интереса к русской литературе, переводимой с языка оригинала, чему способствует стратегическое партнерство и государственная поддержка распространения русского языка и литературы в Иране.

У современных иранских переводчиков иные цели, задачи, способы работы с текстом, чем у предшественников. Выделяются следующие тенденции:

- перевод с русского без языка-посредника;
- сравнение нескольких переводов с иностранных языков;
- переиздание более ранних, дословных переводов низкого качества в исправленном виде;
- отход от идеологизации переводимого автора.

Глава 2. Рецепция творчества Маяковского в Иране: ее основные хронологические вехи, характер и контекст

В § 2.1 («*В. Маяковский в Иране: первые переводы на фарси*») дается общая характеристика проблемы рецепции Маяковского в Иране, в том числе и современной рецепции.

Иранский читатель впервые познакомился с поэзией Маяковского только после смерти поэта: в 1941 году в «Журнале для народа» появился перевод поэмы «Флейта-позвоночник», выполненный с французского Эхсаном Табари – переводчиком и поэтом, членом партии «Тудэ». Мы объясняем сравнительно позднее развитие интереса к Маяковскому в Иране политическими причинами. Маяковский попадает в Иран в разгар

коммунистической пропаганды, и за ним закрепляется образ советского политически ангажированного поэта.

Со времени первых переводов Маяковского на фарси, выполненных Табари, за русским поэтом закрепился особый статус, выходящий за пределы литературы, статус, который сохраняется до сих пор: Маяковский воспринимается как борец со старой литературой, старой культурой и пошлостью обыденной жизни вообще.

В § 2.2 («*Становление новой поэзии в Иране: Н. Юшидж и Э. Табари*») подробно описано формирование новой поэзии в 1940–1950-е гг. и отмечена связь между литературной и политической ситуацией в Иране того времени и востребованностью революционной во всех смыслах поэзии Маяковского в иранском обществе.

Преобразования в общественной сфере, в первую очередь в жизни интеллигенции, обусловленные Конституционной революцией 1905–1911 гг., требовали изменений в литературе. Однако иранский читатель был еще не готов к радикальному изменению традиционной персидской поэзии, поэтому эксперименты таких новаторов, как Ш. Тондаркия и Х. Ирани, в целом не получили признания.

Более умеренные новаторы, Н. Юшидж и Э. Табари, смогли реформировать стих, сохранив ритмический рисунок, присущий персидской поэзии. Единой эстетической позиции у этих новаторов не было: Юшидж, прежде всего поэт, считал словесное искусство самоценным и автономным, а Табари, политический деятель, считал поэзию продуктом труда и частью социальной эволюции (о чем говорил, в частности, на Первом съезде иранских поэтов и писателей). Политизированный взгляд на литературу проявился и в том, как Табари переводил Маяковского; эти переводы способствовали созданию определенного образа Маяковского в Иране, в известной степени одностороннего и иногда проявляющегося и до сих пор.

В § 2.3 («*Маяковский в переводах Э. Табари и А. Шамлу: на пути к созданию нового поэтического языка*») анализируется своеобразие переводов Э. Табари и его последователя А. Шамлу, роль поэзии Маяковского в демократизации литературы на фарси.

С 1961 года до Исламской революции 1979 года значительное влияние на иранскую поэзию оказывали поэты-авангардисты: Неруда, Элюар, Арагон, Элиот, Маяковский.

Помимо идеологического фактора, на распространение поэзии Маяковского в Иране повлияли качество и характер переводов, выполненных Табари, бывшего не только активным политическим деятелем, но и одаренным поэтом. Его деятельность считается поворотным пунктом в истории перевода иностранной поэзии на фарси. Табари был первым, кто как переводчик пытался сохранить и как можно точнее передать оригинальный авторский стиль, благодаря чему иранский читатель мог познакомиться с разнообразием поэтических миров, далеких от персидской литературной традиции (помимо Маяковского, Табари переводил Уитмена, Элиота, Неруду). Табари удалось передать на фарси такие особенности поэзии Маяковского, как особая разговорная интонация, необычная диссонансная рифма. Под влиянием Маяковского Табари и в переводах, и в собственном творчестве создает принципиально новый для персидской литературы поэтический язык, допускающий использование сниженной лексики и имитирующий интонации устной речи при помощи графических приемов.

Насколько бы точным ни был перевод Табари, всё равно он представлял собой определенную интерпретацию. Примечательно, что следующие поколения иранских переводчиков и литераторов опирались во многом не на сам оригинал, а именно на интерпретацию, предложенную Табари.

Таким переводчиком был выдающийся поэт А. Шамлу, который ввел в оригинальную иранскую поэзию графическую запись стихотворения

в виде «лесенки». Помимо технических приемов, иранский поэт заимствовал у Маяковского антибуржуазный воинственный пафос его поэзии, который был использован как орудие борьбы с противниками новой поэзии в Иране. Шамлу, отождествляя себя с Маяковским, посвящал ему стихи, делал его персонажем собственной поэзии.

Шамлу взял у Маяковского мысль о необходимости при помощи поэзии установить прямой контакт с народными массами, сделать поэзию частью повседневной жизни простого человека. Усилиями Табари и Шамлу поменялся курс иранской поэзии, она стала политической и социальной.

В параграфе § 2.4 (*«Рецепция В. Маяковского в Иране: идеологический фактор и проблема выбора текстов для перевода»*) рассматривается ключевой фактор, обусловивший судьбу Маяковского в Иране, – идеологический фактор.

Для иранского читателя Маяковский существует в двух не равноценных по своей значимости, противостоящих друг другу ипостасях: Маяковский как антибуржуазный автор политических текстов с острой социальной проблематикой и как автор интимной любовной лирики.

Как уже отмечалось выше в связи с переводами Табари, идеологическая подоплека распространения поэзии Маяковского в Иране связана в первую очередь с деятельностью партии «Тудэ» в 1940-е годы, которая использовала творчество Маяковского как мощное орудие политической борьбы. Однако политизированное представление о Маяковском сохранялось и после переворота 1953 года, повлекшего маргинализацию «Тудэ». В 1960-е годы в возобновленном журнале “پیام نوین” [Payam-e novin] («Новейший вестник») опять стали публиковать многочисленные статьи о Маяковском (см., в частности, статью С. Таргуба «Маяковский – великий новатор поэзии»). И сейчас поэзия Маяковского продолжает служить пропаганде левых идей: в 2010–2013-х гг. издательство «Мир», чьей целью является распространение

коммунистических взглядов в Иране, выпустило три сборника переводов Маяковского, выполненных Ш. Аташкармом, который намеренно выбрал для перевода те стихи Маяковского, которые отражают революционную идеологию.

С другой стороны, на рубеже XX – XXI веков возникает тенденция трактовать Маяковского как тонкого лирика, значительно возрастает количество переводов стихов о любви. Во многом это связано с работой М. Кашигара, к которому пришла популярность благодаря переводу поэмы Маяковского «Облако в штанах» (переиздавалась 7 раз). Благодаря Кашигару, в Иране укрепился образ влюбленного Маяковского, популярный и по сей день.

Другой иранский переводчик, Б. Шахаб, также стремился избегать идеологических установок: из 30 переведенных им стихотворений Маяковского (издано в 2009 г.) 27 «дооктябрьских» и только 6 послереволюционных – сборник “ساده چون صدای گاو” [Sade chon sedaye gav] («Простое, как мычание»).

Важнейшим аспектом темы «Рецепция Маяковского в Иране» является вопрос о межъязыковой коммуникации. Большинство произведений русского поэта до настоящего времени были переведены не с оригинала, но при помощи языка-посредника – сначала французского (до начала 1950-х годов), а затем английского (после государственного переворота 1953 года), что соответствовало общей тенденции в переводе европейской литературы на фарси. Только в 2010-х гг. поэма «Облако в штанах» была переведена с языка оригинала (Х. Аташбарабом).

Многие иранские переводчики выбирают (переводя Маяковского и не только его) стратегию доместикации: переводы зарубежных авторов сделаны свободно, с целью приблизить иноязычного писателя к менталитету и реалиям Ирана. Таковы современные переводы Маяковского, выполненные Кашигаром и Шахабом. Последний, переводя с русского языка сборник «Простое как мычание» старался адаптировать

текст для современного иранца, не только выбирая соответствующие языковые эквиваленты, но и украшая русский текст согласно персидской поэтической традиции.

В § 2.5 («*В. Маяковский и иранская литература: точки соприкосновения*») исследуется поздняя рецепция футуристических экспериментов творчества; на примере сравнения стихотворений Маяковского и Т. Саффар-Заде намечается сопоставительный анализ поэзии русского и иранского футуризма, который требует дальнейшей разработки, что соответствует тенденции в иранской русистике последних лет, для которой характерно внимание к раннему, футуристическому творчеству Маяковского и футуризму как таковому.

Активное русско-иранское культурное взаимодействие привело к проникновению в Иран в 1940 – 1950-е годы поэзии футуризма, которая оказала значительное воздействие на иранских авторов, однако с опозданием: только к 1980-м годам иранское общество стало готово к восприятию авангардистских идей.

Т. Саффар-Заде – первый иранский поэт, писавший стихи на английском языке. Под влиянием Маяковского он создал свои футуристические стихотворения, что стало новым этапом реформирования поэзии.

Такие исследователи, как Г. Пируз и М. Факих-Абдоллахи, выделяют общие для поэзии Маяковского и Саффар-Заде черты (близость к разговорной речи, широкое использование бытовой лексики и неологизмов и т. д.).

В последнее время появляются исследования, целиком посвященные творчеству Маяковского как футуриста и отдельным аспектам его творчества и даже отдельным приемам, таким как знаменитая «лесенка». Исследователи, анализируя историю этого типа стихотворной организации, указывают, что технику, сопоставимую с техникой европейской визуальной поэзии модерна, можно встретить в

древнеперсидской поэзии. Эта техника называлась “موشح” [Movashah] («украшение») и использовалась с целью усиления визуального эстетического эффекта. Она встречается уже у классиков персидской поэзии: Фирдоуси, Саади и Гафиза. Таким образом, утверждается тезис о скрытой близости и общности тенденций литератур Ирана и России, которая способствовала восприимчивости иранского читателя к визуальной поэтике Маяковского.

Глава 3 посвящена судьбе романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» в Иране.

В § 3.1 (*«Первое знакомство иранского читателя с творчеством Шолохова. Перевод Бех-Азина: исторический контекст создания и публикации»*) обсуждается перевод Бех-Азина – первый из четырех выполненных к настоящему времени переводов романа на фарси, обусловленный идеологическим подходом к переводческой деятельности. Рассматриваются его сильные и слабые стороны, оценка критиков и читательской аудитории, то, при каких обстоятельствах, потребовав преодоления препятствий, была осуществлена публикация перевода, а также предпосылки возникновения интереса к Шолохову у иранской интеллигенции и литературного сообщества 1960-х годов. Успех первого перевода «Тихого Дона» и сам выбор данного произведения иранскими переводчиками также объясняется в первую очередь политическими причинами. Мы также отмечаем, что для иранского читателя оказалось возможно увидеть в «Тихом Доне» черты, близкие персидской культурной традиции (Бех-Азин сравнивал «Тихий Дон» с великим эпосом «Шахнаме» Фирдоуси).

Впервые о Шолохове иранский читатель узнал в 1940-е годы, в рамках политики сближения Ирана с СССР, однако до 1953 года не успели сделать ни одного перевода из Шолохова на фарси (кроме фрагмента «Поднятой целины»), а с изменением режима опубликовать перевод советского романа стало трудно. Публикация перевода главного произведения

Шолохова стала возможна лишь в 1965 году, после присуждения Шолохову Нобелевской премии (о чем сообщалось в иранских газетах). Способствовало публикации и некоторое улучшение отношений между Ираном и СССР из-за заинтересованности обеих сторон в экономическом сотрудничестве (в 1964 г. был заключен договор о строительстве Советским Союзом металлургического комплекса в Исфахане). Важно, что в середине 60-х гг. происходит возрождение левоцентристских настроений и усиление общественной роли «Тудэ»; перевод «Тихого Дона» (с французского) выполняет член этой партии, М. Этемад-Заде (Бех-Азин), авторитетный литератор.

«Тихий Дон» Бех-Азина получил популярность у массового читателя, многократно переиздавался и в 1960–1970-х годах входил в список самых продаваемых в Иране книг. Тем не менее он обладал существенными недостатками с точки зрения языка, был выполнен буквалистски и небрежно, что вызвало критику у А. Шамлу, который впоследствии предложил свой, альтернативный вариант перевода русского романа.

§ 3.2 («Перевод А. Шамлу как оригинальное литературное произведение») является центральным в главе и описывает попытки поэта использовать текст Шолохова как инструмент для решения не столько узких переводческих задач, сколько актуальных задач иранской литературы. Мы исследуем редкий случай: точность перевода оказывается не самой важной задачей для переводного произведения, которое выполняет важную культурную и литературную миссию, по своей художественной силе не уступает оригиналу и может быть рассмотрено как самостоятельный творческий результат творчества. Статус такого перевода в литературе оказывается зыбким и нуждается в дополнительном осмыслении. Более того, само понятие оригинальности оказывается предметом напряженной рефлексии.

Мы показываем, как реализуется стратегия доместикации в противовес идеологическому подходу и стратегии форенизации, рассматриваем

зарождение центрального для иранского переводоведения противостояния переводов Бех-Азина и Шамлу; проводится сопоставительный анализ переводов и описываются эстетические основания перевода Шамлу, в том числе на основании его критических замечаний в адрес предшественника и предисловия к собственному переводу.

Шамлу был не только крупным поэтом и переводчиком, но и критиком, журналистом и лексикографом, создателем Орфографической комиссии, одним из основателей и членов конгресса писателей Ирана до и после Исламской революции. Он один из первых выступил с критикой авторитетного перевода «Тихого Дона», выполненного Бех-Азином, в статье с выразительным названием «Разве обязательство перед языком — не половина общественного долга писателя?» (написана в 1972 г., в переработанном виде вышла в 1979 г.). Шамлу обращает внимание на языковые ошибки Бех-Азина, признавая главным недостатком перевода Бех-Азина игнорирование образного языка простонародья.

Чтобы исправить этот недостаток и продемонстрировать всю силу простонародного языка, Шамлу в 1987 году берется за создание нового перевода великого романа, который займет более пятнадцати лет его жизни и будет опубликован уже после смерти автора, в 2003 году, под уточняющим названием «Тихий Дон по версии Шамлу».

Шамлу удалось выполнить поставленную перед самим собой задачу — при помощи перевода русского романа создать новый язык повествования, который не был бы ограничен нормами официального фарси. В контексте европеизации Ирана и переводческого бума Шамлу стремится сохранить живой народный язык и народную культуру и вводит просторечный язык в прозу, что было нехарактерно для переводов того времени и воспринималось как литературная революция. В тексте романа появляется множество персидских пословиц и крылатых выражений, метафор народного происхождения, что делает текст художественно богатым, образным и поэтичным (тем более по сравнению с текстом Бех-Азина).

В результате языковых нововведений, а также некоторых других трансформаций (перевод дат с григорианского календаря в солнечную хиджру и т.д.) Шамлу удается адаптировать произведение чужой культуры и создать оригинальное произведение, которое больше похоже на авторскую интерпретацию, а не на перевод и заслуженно считается достоянием иранской литературы.

В § 3.3 («Перевод Шамлу в иранской литературной критике») приводятся различные (положительные и отрицательные) оценки труда Шамлу, данные иранскими критиками и литературоведами (в литературных и академических кругах до сих пор не утихает полемика вокруг нестандартного перевода Шамлу).

Перевод Шамлу, безусловно, является новаторским и непривычным для иранской переводческой традиции, что стало причиной возникновения публичной дискуссии; была проведена литературная встреча под названием «„Тихий Дон“ от Бех-Азина к Шамлу», на которой присутствовали великий писатель М. Довлатабади, критики М. Бахарлу и Дж. Моджаби.

Замечания в адрес перевода Шамлу сводятся к следующему:

обилие просторечной лексики мешает правильно воспринять язык оригинала;

Шамлу злоупотребляет разговорным языком и без достаточного на то основания нарушает традицию, отрывая язык повествования от письменной литературной нормы.

Достоинств перевода тем не менее оказывается больше; признается, что

Шамлу познакомил иранского читателя с богатейшей народной культурой и народным языком;

пользуясь переводом как основой, Шамлу создал единственное в своем роде самостоятельное произведение, укорененное в иранской культуре,

отражающее всё богатство и разнообразие живого национального языка и не уступающее в художественном отношении оригинальному тексту;

Шамлу продемонстрировал возможности прозы, которая долгое время отставала от поэзии, и подтвердил переход от ведущей роли поэзии к ведущей роли прозы в иранской литературе.

Перевод Шамлу настолько хорош и самобытен, что его не следует даже сопоставлять с оригиналом – кажется, что сам оригинальный текст написан на фарси.

В § 3.4 («*Тихий Дон*» и жанр романа в Иране) от частных переводоведческих вопросов мы переходим к влиянию Шолохова на новую иранскую прозу, и в частности на формирование не свойственного для классической персидской литературы жанра романа, а также течений «повествовательного» и «деревенского» реализма. Эта проблематика до сих пор является актуальной, существуют разные точки зрения на характер этого литературного взаимодействия (заимствование, подражание или типологическое сходство).

Главные прозаические произведения иранской литературы XX века о судьбе простого человека среди трагических исторических катаклизмов – многотомная эпопея «Келидар» (1984) М. Довлатабади, романы «Нулевая параллель» А. Махмуда и «Ненастные годы» А. Дарвишиана – сопоставимы с «Тихим Доном» Шолохова. Среди общих черт «Келидара» и «Тихого Дона» иранские исследователи выделяют сходство персонажей, их особого географического, этнического и культурного статуса (курды и донские казаки), характеров, целей и судеб, важную роль природы и т.д. К общим чертам «Нулевой параллели» и «Тихого Дона» относится изображение патриархальных нравов, отношения власти к народу, выбор революционной эпохи в качестве времени действия.

§ 3.5 («*Рецепция малых жанров (краткий исторический очерк)*») носит вспомогательный характер и дополняет предшествующие параграфы главы, чтобы создать целостную картину восприятия Шолохова в Иране.

Отмечены основные вехи в истории перевода различных произведений Шолохова на фарси, показано, что не только «Тихий Дон», но и более мелкие произведения русского писателя были и остаются востребованы. Переводы рассказов Шолохова на фарси, сделанные в последнее время, обнаруживают усиление интереса к русской литературе в иранском литературном и научном сообществах 2000-х годов.

Начиная с 1960-х годов на фарси были переведены различные произведения Шолохова: рассказы, повести, публицистика. Бех-Азин заложил традицию перевода произведений Шолохова, которую продолжили его коллеги по партии «Тудэ» М. Амуи (перевел «Донские рассказы», 1970 г.) и Г. Матин (перевел «Они сражались за Родину!», 1978), которые испытали на себе тиранию властей и воздействие политической цензуры. Видным переводчиком Шолохова с русского на фарси был З. Форушани (перевод «Судьбы человека», 1960; перевод сборника рассказов «Коловерть», 1983). В 2000-е годы сборники рассказов и повестей Шолохова в переводах разных авторов стали выходить регулярно.

В последние годы иранские исследователи всё больше обращают внимание на рассказы Шолохова, их собственно художественную, а не идеологическую составляющую, и сопоставляют их с иранской литературой, находя новые точки соприкосновения. Несмотря на то что сюжет о случайном убийстве отцом сына является «бродячим», иранские ученые всерьез говорят о влиянии поэмы «Шахнаме» на рассказ Шолохова «Родинка».

В Заключении представлены выводы и обозначены перспективы дальнейшего исследования. В истории литературного перевода Ирана социально-политические факторы оказывали решающее влияние не только на сам выбор переводимых произведений Маяковского и Шолохова, характер и точность переводов на фарси и специфику интерпретации данных авторов в Иране, но и на возможность опубликовать перевод и,

таким образом, сделать его доступным для широкого читателя. Влияние данных факторов на рецепцию русской литературы в иранском обществе сохраняется и по сей день.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В соответствии с главной целью исследования – способствовать формированию общего взгляда на историю перевода зарубежной, в том числе русской, художественной литературы в Иране – переводческий процесс был рассмотрен как сложное и многоэтапное целостное явление в широких временных рамках: начиная с XIX века (точка отсчета третьего и последнего этапа переводческого движения в Иране) и заканчивая XXI веком; это является существенным шагом в изучении данной проблематики и обобщает достижения работ последних лет, в которых иранские исследователи в основном ограничивались рассмотрением перевода отдельных авторов или анализом отдельных исторических эпох. Помимо наиболее изученного этапа советско-иранского взаимодействия после Второй мировой войны, в исследование включены следующие периоды: первая половина XIX века; вторая половина XIX века; первая половина XX века; 1960 – 1978 гг.; 1980-е годы; 1991 год – настоящее время. Данные периоды рассматриваются в тесной связи друг с другом.

В соответствии с ведущей задачей работы – выявить и проанализировать комплекс взаимосвязанных факторов, определивших перевод и рецепцию русской и советской литературы в Иране XX – XXI вв., – был проведен обзор предыстории активного переводческого взаимодействия, начавшегося только в XX веке, и сделан сравнительно подробный анализ ключевых эпизодов рецепции русской литературы в XX – нач. XXI вв., среди которых центральное для иранского литературного процесса занимают переводы поэзии Маяковского в 1940 – 1950-е годы (работы Э. Табари и А. Шамлу), переводы романа «Тихий Дон» Шолохова в 1960-е и 1990-е годы (работы М. Бех-Азина и А. Шамлу), а также восприятие этих авторов иранским читателем в конце

XX – начале XXI вв. (в частности, «Облако в Штанах» Маяковского в современном переводе Кашигара стало бестселлером в Иране). Автор показал, что Маяковский и Шолохов вскоре после перевода их произведений на фарси были легко усвоены иранской литературой и стали крайне востребованы в иранском обществе, и объяснил как явные, так и скрытые причины подобной редкой востребованности.

Анализ восприятия творчества Маяковского и Шолохова в Иране позволил сделать выводы общего характера о рецепции русской литературы (и зарубежной литературы в целом) в иранском обществе:

1) в XX – XXI веках перевод и интерпретация русской литературы определялись и продолжают определяться динамическим комплексом социально-политических и культурных факторов: политическими отношениями двух стран, настроениями интеллигенции, господствующей идеологией, характером системы образования с ее ориентацией на определенный европейский язык;

2) стимулом для успешной рецепции русской литературы в Иране в XX – XXI веках стала скрытая близость литератур, несмотря на очевидные различия между национальными культурами двух стран и различия характера и темпов исторического развития. Эта близость раскрывается в двух аспектах:

а. общая эстетическая задача для литераторов Ирана и России в XX веке заключалась в демократизации поэтического языка и в ориентации письменного текста на живую устную речь, что проявилось, в частности, в вольном переводе «Тихого Дона», выполненном Шамлу;

б. европейский литературный авангард XX века, в частности поэзия Маяковского, сопоставим с традиционными формами персидской средневековой словесности с точки зрения интереса к визуальному. Иранские писатели бережно воспроизводили в своих переводах

и подражаниях выразительность графического облика поэзии Маяковского, которая определенным образом отсылает к древнеперсидской визуальной поэзии.

Исследование содействует решению общей задачи: создания еще не написанной концептуальной истории перевода, рецепции европейской литературы в Иране. Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением российско-иранского межлитературного и межкультурного взаимодействия и более углубленным анализом общих тенденций двух литератур, что способствует сотрудничеству Ирана и России в разных сферах.

Основные положения диссертационного исследования отражены в статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Пулаки П. Визуальная поэзия в древнеперсидской литературе // *Litera*. № 2. 2019. С. 183–192. ИФ РИНЦ – 0,364.
2. Пулаки П. Анализ переводов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» на персидский язык (на примере текстов М. Бех-Азина и А. Шамлу) // *Litera*. № 4. 2019. С. 87–96. ИФ РИНЦ – 0,364.
3. Пулаки П. Судьба романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» в Иране // *Мир науки, культуры, образования*. № 5 (78). 2019. С. 493–496. ИФ РИНЦ – 0,247.
4. Пулаки П., Бейги М. История литературоведческой компаративистики в Иране // *Мир науки, культуры, образования*. № 4 (71). 2018. С. 549–551. ИФ РИНЦ – 0,247.
5. Пулаки П. Творчество Владимира Маяковского в литературе и литературоведении Ирана // *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. № 5. 2018. С. 168–178. ИФ РИНЦ – 0, 280.

В других научных изданиях:

1. Пулаки П., Бейги М. История рецепции русской литературы в Иране // Вестник Волжского университета им. Татищева. 2018. №. Том 1. С. 73–80. ИФ РИНЦ – 0,347.

2. Пулаки П., Бейги М. Становление авангардизма в персидской поэзии XX века: сюрреализм Хушанга Ирани // Филология: научные исследования. 2019. № 5. С. 36–47. ИФ РИНЦ – 0,201.